

«Можно поставить за всю жизнь всего пять спектаклей»

«Отцы и дети» Адольфа Шапиро в Москве

КоммерсантЪ - 2003 - 4 дек. - с. 22

фестиваль театр

Сегодня и завтра в Москве будет показан спектакль Городского театра из Таллина «Отцы и дети» („Ъ“ писал о нём 20 сентября). Им закроется фестиваль «Балтийский дом в Москве». Накануне гастролей режиссер спектакля АДОЛЬФ ШАПИРО ответил на вопросы РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

ВИКТОР БАКЕНКО

— Это вы предложили ставить Тургенева?

— Мы сидели с Эльмо Нюганеном, руководителем Городского театра, как раз в театральном дворике. Он сказал, что хотел бы русскую классику. Я на секунду задумался и вдруг сказал: «Ну, „Отцы и дети“». Только попросил его подождать, пока доеду до Москвы и перечитаю роман. Перечитал и понял, что не ошибся. Я очень часто ставлю то, что произошло на меня впечатление в юности — может быть, неосознанное. «Отцов и детей» нам как-то неправильно втолковывали при советской власти, какая-то ерунда про конфликт поколений. Между тем это ведь роман о том, как человек хотел поставить идею выше жизни, а жизнь оказалась выше него.

— В вашем спектакле явственна тема выбора между

идейным одиночеством и обывательским счастьем. Понятно, что решения нет. Как вы относитесь к таким людям, как Базаров?

— Для талантливого человека естественно прийти в жизнь, как Базаров. Вопрос в том, насколько велик талант. Кто такой Мейерхольд с его текстами по поводу Станиславского в начале века? Это и есть Базаров. Ниспровергатель. А понимание истинного объема жизни приходит со временем. Вообще, все зависит от продолжения. Людей, наделенных талантом противостояния устоявшемуся, я уважаю. Потом возникает либо боязнь, либо сочувствие к ним — это зависит от развития личности, от того, какая энергия

возьмет вверх. А об усредненном нет смысла говорить.

— Когда смотришь спектакль Городского театра, кажется, что в маленькой Эстонии самая высокая в мире плотность хороших актеров на душу населения. У вас есть какое-то объяснение этому феномену?

— У них, кажется, еще и самое большое количество посещений театра на душу населения. Еще в советские времена, по данным ЮНЕСКО, Латвия и Эстония делили первое место в мире по этому показателю. Вообще, энергетические центры развития театральных профессий складываются странно. В Прибалтике самая сильная школа сценографии — в Латвии, режиссуры — в Литве, актерская — в Эстонии. А заслуга в создании эстонской актерской школы принадлежит одному человеку — Вольдемару Пансо, который создал кафедру актерского мастерства. Он скрестил три начала: народные, языческие истоки пратеатра, здоровые, сочные, к ним традиции европейского, вернее немецкого, театра, который он хорошо знал, и плюс знание русского психологического театра, он ведь был учеником Кнебель. И этот чудесный сплав те-

перь плодоносит. У эстонских актеров есть вкус к подробностям, к фиксации жизненного момента, но при этом нет проблемы снятия наигрыша. Они стыдятся быть эффектными без повода. Это феномен не только актерской школы, но и национального характера.

— Вам все-таки лучше знакома латышская школа. Они сильно отличаются друг от друга?

— Мы иногда о Прибалтике говорим, как несведущие люди о Латинской Америке: Венесуэла, Перу, Эквадор — все одно. Они действительно сильно разнятся. В Латвии правильнее говорить не о школе, а о традиции, о манере игры. Их традиция больше тяготеет к внешней эффектности. Когда речь идет о таких крупных актерах, как Вия Артмане или Эльза Радзиня, это производит сильное впечатление. А в общей массе — нет.

— Вы время от времени работаете в Эстонии, и каждый из поставленных вами там спектаклей становится серьезным событием. Там какая-то особая атмосфера работы?

— Кто-то из великих режиссеров сказал, что можно поставить за всю жизнь всего пять или шесть спектаклей, потому что очень многое должно

просто сойтись, совпасть. Эстонцы — гордые люди, они живут с достоинством. Достоинство жили при коммунистах, достойно встретили капитализм. Это видно по Таллину: у них нет желания моментально сделать все как на Бродвее или чтобы город выглядел как Лас-Вегас. В пространстве жизни они располагаются как-то очень несуетно.

— Вы тридцать лет руководили знаменитым Рижским театром юного зрителя. После его закрытия уже десять лет живете в Москве и ставите в разных театрах. То есть в силу обстоятельств вы испробовали обе модели профессиональной жизни — создатель театра-дома и блуждающий фрилансер. В свете актуальных ныне дискуссий о судьбе репертуарного театра какая из моделей вам кажется более комфортной?

— Разумеется, я отвечу вам, что в каждом из этих способов есть плюсы и минусы. Но мне лично ничто не может заменить своего театра. Дело не в комфортности моего существования, а в последовательности разработки с группой людей определенных задач. В основе развития лежит лабораторная работа, и она может идти только с постоянной

группой людей. Театр развивается только в доме. Дело в том, что способ игры невозможно утверждать на одном спектакле. — Но ведь количество маразма в репертуарных театрах тоже подчас зашкаливает за все границы...

— Безусловно. И иногда это просто чудовищно, сплошная демагогия для оправдания художественной несостоятельности. Потому что ничего нет уродливее искусственной семьи. В такой семье самое большое событие репетиции — что явились все актеры, что удалось всех собрать в одно время в одном месте. Театру, о котором я говорю, надо отдать жизнь, ему надо посвятить себя целиком. А сейчас у всех деньги в другом банке. Заниматься коммерческим театром или развлекательным театром совсем неплохо, бывают же высокие образцы этого театра. Надо просто отдавать себе отчет в своих действиях. Решите для себя наконец, чем именно вы занимаетесь! Потому что это решение определит и образ жизни, и этику профессиональных отношений, и внутреннюю гармонию. Личностью можно быть и в развлекательном театре. Личность ведь и рождается при определении жизненной позиции.

Шапиро
4 дек 03

22

04.12.03